

АСКЕЗА И ТВОРЧЕСТВО

Всякое ныне житейское отложим попеченье.

Херувимская Песнь

Очень распространено мнение, согласно которому плоды творческого вдохновения, совокупность которых в историческом плане предания мы называем культурой — импровизируются в порыве будто бы страстной одержимости. Великого художника представляют себе в виде 18-летнего Ленского, а «ее», т. с. то, что вдохновляет, — в виде Ольги. Однако любителям, а тем более любительницам малолетнего импровизатора придется нанести жестокий удар: пышущий страстью гениальный молодой человек в природе не встречается: он есть лишь всего-навсего комический продукт мечты о гении захолустных провинциалов. Подлинно великие творения — все без исключения — результат упорных, длительных трудов. А то, что руководит их авторами, что поддерживает их в осуществлении раз поставленной цели, не давая падать духом среди

Злодеев и смешных и скучных,
Тупых привязчивых судей —

— совсем не образ какой-нибудь Ольги, которая, как правило, всегда обличается «Софисией» (из «Горя от ума») и оказывается на стороне палачей гения, даже не по злости, а всего лишь вследствие своей глупости...

Крестный путь творческого труда освещает своим ровным и неугасимым сиянием одно таинственное явление духовного мира, которое В. В. Вейдле назвал «демон совершенства». Кто этим демоном не одержим — тот не ведает подлинного творчества, про него сам гений говорит:

...труд упорный
Ему был тощен. Ничего
Не вышло из пера его.

Творческий «упорный труд», руководимый «демоном совершенства», есть прежде всего жертва счастьем жизни и даже самой жизнью, ибо подлинное призвание есть крест. «Кто хочет совершенным быть, да отвергнется себя, возьмет крест свой и идет за Мной», говорит Логос — источник творчества, «Им же вся быша».

Все должно быть сожжено на алтаре совершенства, в том числе и счастье личной жизни, — и лишь в ответ на жертву приходит дух совершенства и красоты. Вот почему, говоря обычным языком, гений «несчастен» и, по выражению Гете, всегда «ест свой хлеб со слезами». Хорошо чувствуют себя лишь плагиаторы, самозванцы и бездарности. И если выбирать подходящий живой символ для гения, то надо вспомнить о слепом, нищем старце — Гомере, о сосланном на каторгу Достоевском, о глухом, больном и старом Бетховене, корпящем над отделкой молитвенного «Adagio» из 29-й сонаты, где обозначение «Appassionato» (страстно) означает совсем не страсть в обычном понимании, а скорее псаломный текст:

«Из глубины воззвах Тебе Господи, Господи, услыши глас мой».

Образ гения — царская порфира, скрывающая от непосвященного взора изможденное трудами тело, вериги и язвы. Гений — одинокий и страдающий царь.

Ты царь. Живи один. Дорогою свободной
Иди туда, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Одиночество и свобода — вот удел гения. Но если перевести это на терминологию святых отшельников, то придется произнести слово «аскеза».

Удивительно по своей простоте и многозначительности это слово! По-гречески оно, как известно, означает «упражнение», «тренировку». Первоначальный смысл его — спортивно-технический: атлеты, выступавшие на состязаниях, после долговременной и трудной тренировки, связанной с воздержанием и целомудрием, назывались «аскетами». Говоря языком современности, спортсмен и есть аскет в древнегреческом смысле. И спортсмены настоящего времени, стремящиеся к рекордам, очень хорошо знают, что на «страстях» к финишу

первым не придешь. Скорее наоборот: «страды» могут лишь гарантировать полный и позорный провал. То обстоятельство, что монашеское подвижничество, выработавшее свои правила и приемы духовной тренировки, восприняло древний спортивный термин, — полно глубокого смысла и открывает перед нами безбрежные перспективы в царстве творческой свободы, созидающей «шедевры» — «произведения искусства». Это надо осознать и понять. В нашем падшем мире все живет борьбой: «Война отец всего», — говорит древний Гераклит. Но есть два вида борьбы: 1) внешняя, связанная с отвоеванием себе «места под солнцем», страшная и отвратительная «борьба за существование» (*struggle for life*), как ее называл Дарвин, полагавший, что она есть творческий принцип в биологии; 2) борьба внутренняя, борьба с самим собой, трудовой подвиг преодоления духовной и телесной инерции, развязывание связанного, трудовое достижение творческой свободы, преодоление греха, который связывает, как «сковывающая руки и ноги» инерция, влекущая «на дно адово», «вотьму кромешную», инерция, производящая то, что на нравственно-богословском языке мы называем «падением». Вопреки гипотезам эволюционистов, единственно подлинный вид творческой борьбы, борьбы за совершенство — есть этот второй ее вид; ее-то и надлежит именовать аскезой. Любопытно, что и в биологии Ламарк, ныне торжествующий в науке над Дарвином, выставил в качестве принципа творческой эволюции идею упражнения.

Второй вид борьбы — борьба с самим собой за творческое совершенство — самый трудный вид борьбы. Этой трудностью объясняется стремление огромной части людей, считающих творчество в области духа своей специальностью — обойти эту борьбу за собственное совершенство и «избежать необходимого труда». И тут мы делаемся свидетелями отвратительного зрелища, как «дарвиновский принцип» применяется там, где ему, казалось бы, не может быть места. Всякого рода плагиаты, интриги, клевета и т. п. часто применяются здесь за невозможностью действовать иначе...

Этим и объясняется то, что истинные творцы духовных ценностей, подлинные аскеты всегда питаются крохами, падающими со стола тех, кто вытесняет их «из-под солнца», присваивая их духовные богатства; последние при этом снижаются и опошляются до полной потери первоначального облика, но лишь в таком виде делаются доступными толпе,

или, как говорят, — «выходят на улицу». За примерами ходить недалеко. Кому неизвестно, что современные танцы сплошь и рядом являются опошленными переделками классической музыки? Это же касается и многих популярных романов. Литература, изобразительные искусства страдают от того же хищнического, опошляющего «использования» (ужасное слово!).

В русской литературе есть потрясающий образ падения художника, утратившего талант и ставшего бездарным — только потому, что он отказался от аскетического, трудового подвига в сфере совершенствования. Мы говорим о трагедии художника Черткова в гениальной повести Гоголя «Портрет» — повести, являющейся грандиозным наброском философии искусства.

Вторая часть «Портрета» как раз и трактует взаимоотношения творчества и аскетизма, взятого в специальном смысле христианского, монашеского подвига. Оказывается, что высокое произведение искусства далось герою этой второй части «Портрета» лишь после долговременного очищения и постнического, отшельнического жития. Все это настолько важно, что требует специального рассмотрения.

В заключение скажем, что обвинение по адресу аскезы и борьбы со страстями, столь часто раздающиеся со стороны «цивилизованных» носителей «просвещенских» идеалов — парировать весьма легко. Во-первых, эти люди не всегда себе отдают отчет в сущности подлинной культуры, которая вся порождена творческой аскезой; во-вторых, если аскеты поражают горящим пророческим словом то *вырождение культуры*, которое именуется словом «цивилизация», то здесь как раз уместно применить слова Гоголя:

Я тебя породил, я тебя и убью...